

Е.В. Сальников, докт. философ. наук, доц., начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СПИСОК ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ КАК ПОРОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ “FAN-FICTION”

Salnikov Evgeniy Vyacheslavovich, PhD (philosophy), associate professor, chief of chair of social-philosophical disciplines at the Orel Law Institute of the Ministerium of Interior name V.V. Lukyanov, e-mail: esalnikov2005@yandex.ru

THE FEDERAL LIST OF EXTREMIST MATERIALS AS A CULTURAL ARTEFACT “FAN-FICTION”

В статье предлагается анализ проблемы противодействия распространению экстремистских материалов. По мнению автора, сугубо юридическая трактовка Федерального списка экстремистских материалов игнорирует проблему природы экстремистских материалов и вопрос о границах применимости данного понятия. В результате экстремистские материалы могут пониматься как фантом, определяемый в рамках борьбы власти со своими политическими противниками. Преодоление этой негативной трактовки возможно путем интерпретации экстремистских материалов в контексте практик запрета текстов, имевших место в обществе на иных исторических этапах. Качественное отличие экстремистских материалов от иных форм цензуры задается культурой постмодерна, в которой происходит трансформация концепта автора текста вплоть до полного его исчезновения. Воплощением этого выступает культура fan-fiction – свободного сообщества лиц, которые в своих литературных произведениях – фанфиках – развивают, изменяют или перерабатывают некую исходную идею, воплощенную в книге, фильме, компьютерной игре. Автор предлагает трактовку экстремистских материалов как фанфикшин объекта, где список экстремистских материалов задает границы поля экстремистской идеи, выступая маркером ограничения пространства творческого порождения информационных материалов в мире массовой культуры.

Ключевые слова: экстремизм, фанфик, экстремистские материалы, культура fan-fiction, постмодерн, Федеральный список экстремистских материалов, автор, текст.

The article suggests the analysis of problem of counteraction to distribution of extremist materials. According to the author, a strictly legal interpretation of the Federal list of extremist materials ignores the problem of the nature of extremist materials and the question of the applicability of this concept. As a result

* Сальников Евгений Вячеславович, e-mail: esalnikov2005@yandex.ru

extremist materials can be understood as phantom, determined by fight the power with its political opponents. Overcoming this negative interpretation is possible through the interpretation of extremist materials in the context of the practices of the prohibition of texts that took place in society at different historical stages. Qualitative difference of extremist materials from other forms of censorship sets a postmodern culture in which there is a transformation of the concept of the author of the text up until his disappearance. This is the epitome of cultures fan-fiction — free community of persons who in their literary works — fanfiction — develop, modify or refine some of the original idea, embodied in a book, film, computer game. The author offers the interpretation of extremist materials as of fanfics object, where the list of extremist materials sets the boundaries of the field of extremist ideas, acting as a marker of the space limitation of the creative generation of information in the world of mass culture.

Keywords: *extremism, fanfic, extremist materials, the culture of fan-fiction, postmodernism, Federal list of extremist materials, author, text.*

Противодействие производству и распространению экстремистских материалов с полным основанием относится к числу наиболее значимых элементов общей системы борьбы с экстремизмом в России. В этом направлении наблюдается активность как практических работников органов внутренних дел и прокуратуры, непосредственно пресекающих или принимающих превентивные меры, судей, выносящих решения о признании экстремистского характера материалов, так и научного сообщества, представители которого обращаются к научному осмыслению и теоретической характеристике самих экстремистских материалов и мер противодействия им.

Несмотря на повышенное внимание к данной разновидности противоправной деятельности, объемы экстремистских материалов, фиксируемых в информационном пространстве российского общества, демонстрируют стабильную тенденцию к росту. Так, с июля 2007 г., когда в силу вступили первые судебные решения о признании материалов экстремистскими, Федеральный список экстремистских материалов разросся по состоянию на 21 октября 2015 г. до 3113 наименований и, без сомнения, продолжит увеличиваться. При этом активная практика признания материалов экстремистскими не привела к уменьшению их объемов. Наблюдается прямо противоположная тенденция. За шесть месяцев 2007 г. в Федеральный список были внесены всего 79 материалов, за весь 2008 г. — 222. Спустя шесть лет в 2014 г. в Федеральный список экстремистских материалов было внесено почти в два раза больше — 381 материал (позиции списка с 2180 до 2561), а только за десять месяцев 2015 г. количество материалов, признанных экстремистскими составило 552¹.

¹ Данные приводятся по материалам ежегодных докладов информационно-аналитического центра СОВА за 2007–2015 гг. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/>

Активная практика признания материалов экстремистскими не оказала серьезного положительного влияния на общий уровень экстремистской деятельности в России. Из того факта, что фиксация экстремистского характера материалов является обязательной составляющей доказательственной базы по экстремистским делам, не следует эффективность самого Федерального списка экстремистских материалов и практик противодействия им. Тем более, что и в рамках общеуголовной борьбы с экстремизмом также наблюдается рост показателей привлечения лиц к уголовной ответственности, а география и количественный состав приверженцев экстремизма продолжают расширяться. В результате специалисты вынуждены признать, что принимаемые меры “зачастую оказываются неэффективными, экстремистские материалы по-прежнему остаются доступными, их распространение приводит к совершению экстремистских преступлений”².

При этом сотрудники правоохранительных органов, инициирующие рассмотрение вопроса о признании конкретных материалов экстремистскими, а еще в большей мере эксперты, анализирующие тексты на предмет наличия в них признаков экстремизма, подвергаются жесткой критике. В смысловом отношении центральным элементом этой критики является положение о том, что понятие экстремистских материалов размыто, что позволяет экспертам и сотрудникам правоохранительных органов “подвести по экстремизм” практически любой текст. Как справедливо отмечает Л.Г. Фишман, “сложилась ситуация, когда подозреваемый может быть произвольно обвинен в экстремизме на основе чуть ли не любого хранящегося у него материала, а обвинители, в свою очередь, рискуют оказаться в смешном положении по причине того, что их аргументация явно притянута за уши”³. Ярким примером, иллюстрирующим это, явился процесс по признанию “Бхагват-гиты” экстремистским материалом⁴.

Дополнительной критике подвергается то обстоятельство, что Федеральный список экстремистских материалов содержит лишь

docs/ (дата обращения: 05.10.2016), а также на основе самостоятельного анализа автором Федерального списка экстремистских материалов (URL: http://minjust.ru/ru/extremist-materials?field_extremist_content_value= (дата обращения: 05.10.2016)).

² Лапунин М.М., Гордеев Н.С. Противодействие распространению экстремистских материалов религиозного содержания: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Право. Законодательство. Личность. 2014. № 1 (18). С. 67.

³ Фишман Л.Г. Об экстремистской литературе // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2008. Вып. 8. С. 374.

⁴ Тимощук А.С., Филькин К.Н. Казус суда над Бхагават-Гитой Свами Прабхупады: генезис, анализ, реакция общественности и медиа // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24). С. 178–184.

наименования данных материалов, что если не полностью исключает, то во всяком случае существенно затрудняет их использование за пределами конкретного дела. Помимо этого, подобный подход оставляет открытой возможность “реинкарнации” тех же материалов, но под другим наименованием. Как подчеркивают юристы, “практическая польза от существования такого списка вызывает все большее сомнение. <...> В федеральном списке экстремистских материалов немало примеров того, как описание этих материалов не позволяет их идентифицировать с целью пресечения дальнейшего распространения (название файла, цвет и серийный номер компакт-диска и т.п.)”⁵.

Научное осмысление данного вопроса также не может быть признано всесторонним. Подавляющее большинство исследователей сфокусировались на анализе вопросов проведения экспертизы на признание материалов экстремистскими, тогда как сама природа и сущностные характеристики экстремистских материалов должного внимания не получили⁶.

Речь идет не об уточнении существующей юридической дефиниции, а об экстремистском материале как феномене социального бытия, проблематичность которого порождена целым рядом факторов. В их числе следует отметить, во-первых, крайнюю неоднородность материалов, отнесенных к числу экстремистских. По состоянию на октябрь 2015 г. в Федеральном списке представлены книги, имеющие наименование и автора, печатные материалы и тексты, авторство которых как определено, так и не определено, листовки, песни и тексты песен, музыкальные альбомы, фильмы, отдельные видеофрагменты, диски с текстовыми, аудио и видео-файлами, информация, размещенная в интернете, в том числе на отдельных сайтах, а также на страницах тем в форумах и социальных сетях, фотографии. В результате возникают сомнения в том, имеют ли экстремистские материалы собственную природу и насколько они оправданы вне расследования обстоятельств конкретного противоправного деяния экстремистской направленности.

⁵ Савинов Л.В., Дорожнинская Е.А., Сигарев А.В. Экспертиза спорных информационных (экстремистских) материалов: методологические и правовые проблемы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 213.

⁶ См., например: Бердников Д.В. Психологическое исследование экстремистского текста: теоретические аспекты // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 10–15; Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психолингвистическая экспертиза смысловой направленности экстремистских материалов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 2. С. 18–22; Султанов А.Р. Признание экстремистским материалом смыслового перевода Корана и вопросы должной правовой процедуры // Адвокат. 2013. № 11. С. 5–13.

Во-вторых, существует некоторая неопределенность в отношении границ применимости понятия “экстремистские материалы”. Ярким примером этого может служить решение суда Южно-Сахалинска от 12.08.2015 г., признавшего экстремистской книгу “Мольба (дуа) к богу: ее назначение и место в Исламе”, в отношении которого Президент Чеченской республики Р. Кадыров, а также ряд других официальных лиц подали апелляции. Следствием этой дискуссии стал внесенный в Государственную Думу РФ законопроект о запрете на признание экстремистскими священных текстов мировых религий, который в свою очередь также стал предметом оживленных дискуссий. Не пытаясь прийти к какому-либо окончательному итогу в этом сложном вопросе, отметим лишь, что применительно к нашей теме эти споры отчетливо показывают размытость границ того, что может являться экстремистским материалом. Отсюда снова возникает вопрос о самостоятельной природе экстремистского материала.

В этих условиях вполне оправданно может показаться обращение к позиции В.В. Лунеева и ряда других видных специалистов, отрицающих самостоятельную природу экстремизма и трактующих его как феномен, “обобщающий все нежелательные и опасные для государства действия”⁷ и позволяющий власти “расправляться с идеологически неудобными противниками”⁸. С этих позиций экстремистские материалы также предстают фантомным образованием, всецело определяемым борьбой власти со своими политическими противниками.

Пристальный анализ показывает, что такой категоричный вывод будет все же необоснованным. Негативный опыт государств, переживших и переживающих “цветные революции”, противостоящих откровенно деструктивным силам типа ИГИЛ, демонстрирует, что отказ от противодействия экстремизму, в том числе и в рамках борьбы с экстремистскими материалами, представляет собой реальную угрозу самому обществу, а не только власти. В сравнительном соотношении опасности экстремизма для общества на порядок выше опасностей экстремизма для самой власти, а потому рассмотрение данного феномена исключительно в рамках контрпозиции “власть – политические противники” является не только ошибочным, но и способно породить катастрофические последствия.

⁷ Боголюбов С.А. Нужен ли закон о противодействии политическому экстремизму? // Адвокат. 2001. № 11. С. 97.

⁸ Лунеев В.В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 2. С. 32.

Следовательно, мы должны признать, что экстремистские материалы должны иметь самостоятельную природу, сущностные характеристики которой требуют своей экспликации. При этом есть все основания полагать, что качественное своеобразие феномена экстремистских материалов задается особенностями социального бытия современной цивилизации. Речь идет об изменении характера информации, способа ее передачи и ее носителей, произошедшем в мире постиндустриального общества.

По своей сути, экстремистский материал есть некая информация, на распространение и производство которой накладываются ограничения. В этом смысле история человеческой цивилизации знает немало аналогов экстремистским материалам в той или иной форме цензуры. Речь в данном случае идет об “Индексе запрещенных книг” Римской католической церкви, законе Комстока, тесте Хиклина и ряде других форм цензуры, имевших место практически во всех культурах.

Вне зависимости от конкретных оснований для запрета во всех случаях помимо Федерального списка экстремистских материалов речь шла о двояких санкциях — наказании для автора и наказании для распространителя. Основанием для двойственного характера санкций служило то, что объектом запрета всегда являлся информационный материал, представлявший собой некий законченный, целостный как в информационном — духовном, так и в материальном — печатном виде. На основе некоего идейного основания — по причине наличия неких “вредных”, недопустимых с точки зрения цензоров идей — запрещалась конкретная книга конкретного автора, конкретный фильм или конкретное музыкальное произведение (например, запрет танго).

Правоприменительная ситуация здесь предполагает лицо X, создавшее произведение Y, лицо Z, распространяющее произведение Y (например, издатель или почтовый служащий) и лицо W, читающее произведение Y. При этом лица W и Z знают или обязаны знать о том, что Y внесено в список запрещенных книг. Отсутствие произведения Y в Списке запрещенных книг исключало ответственность как X, так W и Z. Это требовало жесткого деления всех создаваемых информационных материалов исходно на допустимые и запрещенные, что и осуществлялось цензорами, дававшими право на публикацию.

При невозможности цензуры на этапе издания институт цензора мог вводиться на этапе распространения, как это было в XIX в. в США в рамках действия закона Комстока. В любом случае информационный материал был в Списке до действия распростра-

нителя Z и читателя W и задавал основания для привлечения к ответственности автора Y.

В современной правоприменительной ситуации речь идет не столько о произведении, сколько о некоем информационном материале. В судебном порядке этот материал квалифицируется как экстремистский, но данное решение зачастую вообще не затрагивает автора. В значительном количестве случаев автор (лицо X) данного информационного материала неизвестен, но установления авторства, как правило, и не требуется. Объектом санкций является не автор материала, а лицо, создающее ситуацию общедоступности данного материала путем его издания, размещения в интернете и т.п. Это лицо V, которое хотя и может совпадать с автором, но не тождественно ему по самой сути.

Лицо V не тождественно и второму объекту санкционного воздействия, упомянутому выше, — распространителю Z. Распространитель Z — это лицо, которое в силу своих должностных полномочий обладает способностью распространить некий информационный материал. Его привлечение к ответственности как раз и основывалось на неправомерном использовании служебного положения.

В наши дни такой подход сохраняется применительно к печатным СМИ, где редакция газеты (журнала) несет ответственность за размещаемые материалы, но эти материалы, как правило, в Федеральный список экстремистских материалов не вносятся. В случаях же когда информационные материалы размещаются в интернете или издаются, речь идет об ответственности не провайдера или издательства, но лица, разместившего, растиражировавшего или предоставившего для тиражирования материал. Отметим, что в последнее время наблюдаются попытки привлечь к ответственности провайдера, но опять же не за уже запрещенный материал, а за распространение тех идей, наличие которых лишь докажут в ходе судебного разбирательства. Однако же как правило, провайдер или издательство, т.е. лицо Z, к ответственности не привлекаются.

Внимания заслуживает также трансформация временного параметра. На момент своего размещения информационный материал Z может быть (в большинстве случаев так и происходит) не включен в Федеральный список экстремистских материалов. Лицо V привлекается к ответственности за размещение материалов Y, признаваемых экстремистскими уже после, а не до действий как лица V, так и автора X. Здесь отмечается обратная последовательность, чем это было ранее.

Таким образом, Федеральный список экстремистских материалов обнаруживает достаточно примечательные трансформации в отношении объекта юридической ответственности. Ответственность

направлена не столько на автора или на распространителя, сколько на лицо, размещающее материал, — нового, по своей сути, объекта ответственности. Представляется, что эта новация не случайна, не представляет собой результат неполноценности правовой нормы или ее применения, но отражает сущностные трансформации, произошедшие в современном мире с прежними объектами юридической ответственности — распространителем и автором.

Современный мир представляет собой постиндустриальное общество, сущностной характеристикой которого является изменение роли и места информации, а также способов ее передачи. В этом мире информация представляет собой наивысшую ценность, что порождает бесконечное многообразие способов ее передачи в современных телекоммуникационных системах. Интернет превратил мир в “глобальную деревню” (М. Маклюэн), в которой реальный почтальон или провайдер не распространяет информацию, но лишь создает для этого условия. Распространителем являются все и никто, и в этом смысле каждый пользователь становится распространителем.

При этом характерной чертой постиндустриального общества выступает формирование и последующее господство массовой культуры. В этом отношении экстремистские материалы представляют собой часть именно массовой культуры. Они не элитарны, но, напротив, обращены к неограниченному кругу лиц, предназначены для перманентного потребления массой.

В этой связи следует подчеркнуть то важное обстоятельство, что массовая культура сущностно трансформирует фигуру автора. Как отмечает М.А. Черняк, «понятие “автор” в массовой литературе не только меняет свою “онтологическую” природу, но и предельно точно отвечает социокультурным требованиям времени»⁹. Подвергнув фигуру автора пристальному анализу, выдающийся французский мыслитель М. Фуко приходит к выводу об исчезновении автора в мире массовой культуры, где “речь будет круговращаться без малейшей нужды в авторе <...>, во всеобъемлющей анонимности”¹⁰. В современном мире массовой культуры единого конкретного автора замещают множество потребителей, которые выступают соавторами единого информационного текста.

Воплощение подобных тенденций можно наблюдать практически во всех областях творчества постиндустриального общества, в ко-

⁹ Черняк М.А. Категория “автора” в массовой литературе // Феномен массовой литературы XX века. СПб., 2005. С. 178.

¹⁰ Фуко М. Что такое автор. URL: http://royallib.com/read/fuko_mishel/chto_takoe_avtor.html (дата обращения: 30.10.2015).

тором картина может писаться путем оставления отдельных мазков различными людьми в ходе путешествия. Сериалы не имеют единого автора, но создаются коллективом, учитывающим рейтинги популярности героев, т.е. сериал создают сами зрители. Еще в большей степени размытое авторство приложимо к реалити-шоу.

Наивысшее выражение исчезновения автора приобретает в современной литературе, в рамках которой самостоятельное и полноценное оформление получила культура fan-fiction или фанфик-культура. Под культурой fan-fiction понимается свободное сообщество лиц, которые в своих литературных произведениях – фанфиках – развивают, изменяют или перерабатывают некую исходную идею, воплощенную в книге, фильме, компьютерной игре и т.п. Сообщества авторов, разрабатывающих одну тему, именуется “фандомами”.

В качестве примера можно привести фандом Гарри Поттера, охватывающий все возможные фанфики на тему Поттерианы. Это могут быть продолжения “Гарри Поттера”, описание событий, предваряющих повествование книги Д. Роулинг, произведения, описывающие события жизни второстепенных персонажей “Гарри Поттера”, и т.п.

При этом создаваемые вариации на тему исходного произведения могут как сохранять сюжетные линии персонажей (на языке fan-fiction – канон), так и изменять их вплоть до прямо противоположных. Фанфик может быть как законченным, так и неоконченным, при этом вполне возможна ситуация, когда фанфик, начатый одним пользователем, будет продолжен другим, а закончен третьим.

В этой ситуации классический автор растворяется. Д. Роулинг перестает быть автором Поттерианы, им становятся сами пользователи, т.е. все и никто. В культуре fan-fiction есть лишь исходная идея и ее развитие, которое предлагается пользователем – автором, осуществляющим распространение фанфика – вариации на тему.

Представляется, что подобная ситуация максимально точно объясняет то, что мы имеем в Федеральном списке экстремистских материалов. В рамках культуры fan-fiction его с полным правом можно назвать фандомом, в котором фанфики создаются “по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы”. Экстремистская идея – это исходный смысловой фрагмент, дописываемый, обыгрываемый в видео и аудио-фрагментах. Эти фрагменты могут представлять законченным текстом или только комментариями, картинками, слоганами и т.п., они могут предлагать каноническое прочтение экстремистской идеи или ее неординарные модифика-

ции. Сущность остается неизменной — развитие исходной идеи, наличие фандома — мира экстремизма.

В этом случае мы, во-первых, действительно не можем говорить об ответственности некоего единого автора и о необходимости обнаружения и фиксации подлинного прародителя текста. Достаточно самого пользователя, размещающего фанфик — экстремистский материал. Именно он и будет являться автором, одновременно не являясь им в собственном смысле слова. Иначе говоря, хотя одним из авторов классического расизма является Ж. де Гобино, пользователь интернета, иллюстрирующий свой комментарий его расистскими идеями, является в большей мере автором, чем Гобино, ибо это он, а не Гобино, выкладывает свой фанфик, размещает информационный материал на тему.

Во-вторых, понимание Федерального списка экстремистских материалов как порождения культуры fan-fiction позволяет уточнить вопрос ответственности должностных лиц, предоставляющих саму услугу (применительно к интернету — провайдера). Сообщество fan-fiction представлено на целом ряде интернет-сайтов, администрация которых задает структуру и маркирует фанфики определенным образом, так чтобы пользователь получал информацию об особенностях тех или иных информационных материалов. Так, маркируются материалы для лиц разного возраста, отмечаются материалы различной половой ориентации. Вне этого пользователь рисковал бы обратиться к фанфикам, содержащим вредную для него информацию. Но за сами материалы сайт ответственности не несет. Равным образом и современные провайдеры в той мере, в какой интернет предстает единым информационным полем для фандома экстремистской идеи, несут ответственность не за сами идеи, но за отсутствие упорядоченности, отсутствие указания на запрет подобного.

В-третьих, исключительно через понимание Федерального списка экстремистских материалов как порождения культуры fan-fiction можно объяснить временное искажение. Размещая свой информационный материал как фанфик, лицо уже имеет представление об исходной идее, понимает ее и развивает ее. Наше лицо V — это пользователь, но он не находится в ситуации неведения собственного выражения экстремистской идеи на момент размещения информационного материала (публикации фанфика). Он уже внутри фандома, что и подтверждается его со-творчеством, его принятием первичной идеи, предусматривающей абсолютно адекватную по своему смыслу ответственность. Именно поэтому признание фанфика экстремистским материалом и будет вторичным по отношению

к его размещению. Первичную ответственность задает нахождение в самом фандоме – принятие экстремизма.

Таким образом, в силу того, что федеральный список экстремистских материалов имеет своим предметом информационные материалы, он по своим сущностным характеристикам соотнобразуется с особенностями их существования в постиндустриальном обществе и представляет собой порождение культуры fan-fiction. Отмечаемая исследователями и практиками низкая степень его применимости в рамках противодействия экстремизму, разноплановость включаемых в него материалов и особенности объекта юридической ответственности представляют собой не недостатки Списка, а выражение его сущностных характеристик как феномена культуры fan-fiction. Отсюда его основное значение задается тем, что Список задает границы поля фандома экстремистской идеи, выступая маркером ограничения определенного пространства творческого порождения информационных материалов в мире массовой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антипина Ю.В. Жанровые особенности фанатской прозы (на примере фанфикшена по творчеству братьев Стругацких) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 13.

Бердников Д.В. Психологическое исследование экстремистского текста: теоретические аспекты // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36).

Боголюбов С.А. Нужен ли закон о противодействии политическому экстремизму? // Адвокат. 2001. № 11.

Денисова А.И. Фанфикшн, как субкультура и феномен массовой литературы // Аналитика культурологии. 2012. № 24.

Ефимова Н.И. Вербальное творчество и ценности фандома “поттер”: от фанфикшн к демотиватору // Языки. Культуры. Этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты. 2015. Т. 1. № 1.

Зольникова Ю. Фанфик и оригинал: сопоставительный анализ // Сопоставительные исследования. М., 2016.

Каллистратидис Е.В. Лексические инновации с общим значением “текст” в речевых практиках русскоязычной интернет-субкультуры fan fiction // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28).

Кириллова Н.Б. Концепт постмодерна как явление культурного полифонизма // Приволжский научный вестник. 2013. № 11 (27).

Коробко М.А. Канон и фанон: соотношение авторской и коллективной картин мира в художественном произведении // Языки. Культуры. Этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты. 2015. Т. 1. № 1.

Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психолингвистическая экспертиза смысловой направленности экстремистских материалов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 2.

Лапунин М.М., Гордеев Н.С. Противодействие распространению экстремистских материалов религиозного содержания: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Право. Законодательство. Личность. 2014. № 1 (18).

Ларионова Н.С. Увлечение фанфикшн как форма эскапизма современной молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 8. № 4.

Лунеев В.В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 2.

Попова С.Н. Гипертекстовые характеристики произведений фанфикшн // Вопросы прикладной лингвистики. 2009 (а). № 1.

Попова С.Н. Лингвостилистика фанфикшн. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2009 (б).

Прасолова К.А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009.

Савинов Л.В., Дорожнинская Е.А., Сигарев А.В. Экспертиза спорных информационных (экстремистских) материалов: методологические и правовые проблемы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2.

Самутина Н. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3.

Солодовников М.В. Цензура как механизм социального контроля: социологический анализ: Дисс. ... канд. социол. наук. М., 2011.

Султанов А.Р. Цензурное прошлое и современная карательная цензура религиозных учений // Адвокат. 2012. № 7.

Султанов А.Р. Признание экстремистским материалом смыслового перевода Корана и вопросы должной правовой процедуры // Адвокат. 2013. № 11.

Тимошенко Е.К. Фанфикшн сообщества поклонников эпопеи о Гарри Поттере как дискурс // Stephanos. 2015. № 6 (14).

Тимощук А.С., Филькин К.Н. Казус суда над Бхагават-Гитой Свами Прабхупады: генезис, анализ, реакция общественности и медиа // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24).

Фишман Л.Г. Об экстремистской литературе // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2008. Вып. 8.

Фуко М. Что такое автор. URL: http://royallib.com/read/fuko_mishel/chto_takoe_avtor.html#0 (дата обращения: 30.10.2015).

Черняк М.А. Категория “автора” в массовой литературе // Феномен массовой литературы XX века. СПб., 2005.

Четина Е.М., Ключикова Е.А. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 3 (31).

REFERENCES

Antipina Ju.V. Zhanrovye osobennosti fanatskoj prozy (na primere fanfikshena po tvorcestvu brat'ev Strugackih) [Genre peculiarities of fan prose (on the example of fanficcing on the works of the Strugatsky brothers)] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin Chelyabinsk state University]. 2011. N 13 (in Russian).

Berdnikov D.V. Psihologicheskoe issledovanie jekstremistskogo teksta: teoreticheskie aspekty [Psychological study of extremist texts: theoretical aspects] // Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy [Theory and practice of forensic examination]. 2014. N 4 (36) (in Russian).

Bogoljubov S.A. Nuzhen li zakon o protivodejstvii politicheskomu jekstremizmu? [Do we need the law on counteraction political extremism?] // Advokat [The lawyer]. 2001. N 11 (in Russian).

Chernjak M.A. Kategorija "avtora" v massovoj literature [Category "author" in mass literature] // Fenomen massovoj literatury XX veka [The phenomenon of mass literature of the twentieth century]. SPb., 2005 (in Russian).

Chetina E.M., Kljukova E.A. Fandomy i fanfiki: kreativnye praktiki na virtual'nyh platformah [Fandom and fanfiction: creative practice in virtual platforms] // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and foreign Philology]. 2015. N 3 (31) (in Russian).

Denisova A.I. Fanfikshn, kak subkul'tura i fenomen massovoj literatury // Analitika kul'turologii. 2012. N 24 (in Russian).

Efimova N.I. Verbal'noe tvorcestvo i cennosti fandoma "potter": ot fanfikshn k demotivatoru [Verbal creativity and values of fandom "Potter" from fanfics to the demotivators] // Jazyki. Kul'tury. Jetnosy. Formirovanie jazykovoj kartiny mira: filologicheskij i metodicheskij aspekty [Languages. Culture. Ethnic groups. The formation of the language picture of the world: philological and methodological aspects]. 2015. T. 1. N 1 (in Russian).

Fanfics as a subculture and the phenomenon of mass literature // Analytics of Cultural Science. 2012. N 24.

Fishman L.G. Ob jekstremistskoj literature [On extremist literature] // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija RAN [Scientific Yearbook of the Institute of philosophy and law, Ural branch of RAS]. 2008. Vyp. 8 (in Russian).

Foucault M. Chto takoe avtor [What is an author]. URL: http://royallib.com/read/fuko_mishel/chto_takoe_avtor.html#0 (data obrashhenija: 30.10.2015) (in Russian).

Kallistratidis E.V. Leksicheskie innovacii s obshhim znacheniem "tekst" v rechevyh praktikah russkojazyčnoj internet-subkul'tury fan fiction [Lexical innovations shared value of "text" in speech practices of Russian Internet subculture fan of fiction] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. The theory and practice]. 2013. N 10 (28) (in Russian).

Kirillova N.B. Koncept postmoderna kak javlenie kul'turnogo polifonizma [The Concept of postmodernism as a cultural phenomenon polyfoniska] // Privozhskij nauchnyj vestnik [Privolzhsy scientific journal]. 2013. N 11 (27) (in Russian).

Korobko M.A. Kanon i fanon: sootnoshenie avtorskoj i kollektivnoj kartin mira v hudozhestvennom proizvedenii [Canon and Fanon: the ratio of copyright and collective worldviews in a work of art] // *Jazyki. Kul'tury. Jetnosy. Formirovanie jazykovoj kartiny mira: filologičeskij i metodičeskij aspekty* [Languages. Culture. Ethnic groups. The formation of the language picture of the world: philological and methodological aspects]. 2015. T. 1. N 1 (in Russian).

Kroz M.V., Ratinova N.A. Psiholingvističeskaja jekspertiza smyslovoj napravlenosti jekstremistskih materialov [Psycholinguistic examination of the semantic focus of extremist materials] // *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii* [The Bulletin of Academy of Prosecutor General of the Russian Federation]. 2007. N 2 (in Russian).

Lapunin M.M., Gordeev N.S. Protivodejstvie rasprostraneniju jekstremistskih materialov religioznogo sodержanija: ugolovno-pravovye i kriminologičeskie aspekty [Countering the spread of extremist religious materials: criminal law and criminological aspects] // *Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost'* [The right. Legislation. Personality]. 2014. N 1 (18) (in Russian).

Larionova N.S. Uvlečenje fanfikshn kak forma jekskapizma sovremennoj molodjozhi [The hobby fanfics as a form of escapism of modern youth] // *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern research of social problems]. 2011. T. 8. N 4 (in Russian).

Luneev V.V. Rossijskij jekstremizm: politika i realii [Russian extremism: politics and realities] // *Kriminologičeskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava* [The Criminological Magazine of the Baikal State University of Economics and law]. 2009. N 2 (in Russian).

Popova S.N. Gipertekstovye harakteristiki proizvedenij fanfikshn [Hypertext features works by fanfics] // *Voprosy prikladnoj lingvistiki* [Questions of applied linguistics]. 2009 (a). N 1 (in Russian).

Popova S.N. Lingvistika fanfikshn. Avtoref. diss. ... kandidata filologičeskikh nauk [Linguistic stylistics, fanfics. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of philological Sciences]. M., 2009 (b) (in Russian).

Prasolova K.A. Fanfikshn: literaturnyj fenomen konca XX – nachala XXI veka: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [And fanfics: literary phenomenon of the late XX – the beginning of the century the Kyiv art Insitute. Abstract of Diss. on competition of a academic step. candidate of philological Sciences]. Kalinigrad, 2009 (in Russian).

Samutina N. Velikie chitatel'nicy: fanfikshn kak forma literaturnogo [The great female readers: fanfics as a form of literary experience] // *Sociologičeskoe obozrenie* [Sociological review]. 2013. T. 12. N 3 (in Russian).

Savinov L.V., Dorozhinskaja E.A., Sigarev A.V. Jekspertiza spornyh informacionnyh (jekstremistskih) materialov: metodologičeskie i pravovye problem [Examination of the controversial information (extremist) materials: methodological and legal problems] // *Kriminologičeskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava* [The criminological magazine of the Baikal state University of Economics and law]. 2015. T. 9. N 2 (in Russian).

Solodovnikov M.V. Cenzura kak mehanizm social'nogo kontrolja: sociologičeskij analiz: Diss. ... kand. social. nauk [Censorship as a mechanism of social

control: a sociological analysis. Diss. on competition. academic step. the candidate of sociological Sciences]. M., 2011 (in Russian).

Sultanov A.R. Cenzurnoe proshloe i sovremennaja karatel'naja cenzura religioznych uchenij [Past modern Censorship and punitive censorship of religious teachings] // Advokat [The lawyer]. 2012. N 7 (in Russian).

Sultanov A.R. Priznanie jekstremistskim materialom smyslovogo perevoda Korana i voprosy dolzhnoj pravovoj procedury [Recognition of extremist material semantic translation of the Qur'an and the issues of due process of law] // Advokat [The lawyer]. 2013. N 11 (in Russian).

Timoshenko E.K. Fanfikshn soobshhestva poklonnikov jepopei o Garri Pottere kak diskurs [Fanfix community of fans of the epic Harry Potter as the discourse] // Stephanos. 2015. N 6 (14) (in Russian).

Timoshhuk A.S., Fil'kin K.N. Kazus suda nad Bhagavat-Gitoj Svami Prabhupady: genezis, analiz, reakcija obshhestvennosti i media [The court case over the Bhagavad Gita Swami Prabhupada: Genesis, analysis, reaction of the public and media] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija [The Bulletin of Tomsk state University. History]. 2013. N 4 (24) (in Russian).

Zol'nikova Ju. Fanfik i original: sopostavitel'nyj analiz [Fanfic and original: a comparative analysis] // Sopostavitel'nye issledovanija [A comparative study]. M., 2016 (in Russian).